

Цзян Жунъи ощутил, как боль пронзила всё его нутро. Только опираясь на ствол дерева, он удержался на ногах, чтобы не рухнуть на землю. Он прижал ладонь ко рту, но густая кровь всё равно просочилась сквозь пальцы, стекая на одежду.

— Цзян Жунъи! — Тань Цзинфан подоспел с опозданием и, оглядевшись, не обнаружил и следа посланников Инь и Ян.

Увидев, что Цзян Жунъи жив, Тань Цзинфан забыл обо всём на свете и поспешил к нему. Цзян Жунъи взглянул на него и, закрыв глаза, без чувств повалился на него.

Тань Цзинфан сам был тяжело ранен, и под тяжестью взрослого мужчины его ноги подогнулись, он опустился на колени. Но даже так он продолжал крепко обнимать Цзян Жунъи, не давая ему коснуться грязной земли.

Глаза Цзян Жунъи, в которых, казалось, отражались мириады звёзд, сейчас были закрыты, и лишь густые, словно веера, ресницы едва заметно дрожали. Его кожа была невероятно бледной, и теперь, когда Тань Цзинфан оказался так близко, он заметил крошечную родинку на правой щеке — словно случайная капля туши, которую так и хотелось стереть кончиком пальца.

Тань Цзинфан действительно хотел коснуться этой родинки, но, когда рука уже была в паре дюймов от лица, он вдруг испугался и не посмел приблизиться.

— Брат! — послышался голос Цзян Юньси, которая бежала к ним.

Тань Цзинфан, словно совершивший нечто постыдное, поспешно отдернул руку и, сделав вид, что ничего не произошло, подхватил Цзян Жунъи на руки.

Секта Пэнлай, Пик Холодного Омута.

Это место круглый год окутано ледяными ветрами. Даже совершенствующийся стадии Зарождения Души, попав сюда, становится обычным смертным и меньше чем за три четверти часа превращается в ледяную статую. Это место, где секта Пэнлай заточает демонов, которых невозможно уничтожить, позволяя силе вечного холода постепенно истощить их жизнь.

Вжух!

В тишине Пика Холодного Омута внезапно раздался гул. Вековой лед, покрывавший всё вокруг, в мгновение ока превратился в пыль, обнажив воткнутый в землю меч.

У меча не было ножен, клинок сиял, словно снег, и лишь у самой режущей кромки мерцал чёрный свет. Но если присмотреться, становилось ясно: это не цвет металла, а бесчисленные слои запекшейся крови.

Меч Десяти Тюрем.

В этом безлюдном месте, кроме меча, находился ещё и человек. За долгие годы его тело покрыл толстый слой инея, скрывая очертания, но стоило мечу завибрировать, как снег вокруг него исчез, словно по волшебству, не затронув лишь этого человека.

— Цзян... У... Ван.

Этот человек не произносил ни слова долгие годы. Сейчас он говорил медленно, выговаривая каждый слог этого имени.

Меч Десяти Тюрем, лишившись хозяина, был не лучше обычной кочерги, но сейчас он завибрировал сам по себе — это означало, что его владелец всё ещё жив.

Но ведь в тот день...

Чжоу Сывэй открыл глаза в вечной тишине. Его зрачки, ярко-алые, горели в холодной снежной мгле, словно пламя. Первый среди праведников — на нём проступали признаки вступления на путь демона.

Ведь в тот день Цзян Уван погиб от его руки!

Цзян Жунъи очнулся только через три дня. Открыв глаза, он тут же встретился со взглядом Тань Цзинфана, который, судя по всему, сидел у кровати и не сводил с него глаз.

— Ты... ты очнулся, — Тань Цзинфан засуетился, опуская голову, чтобы не смотреть в глаза Цзян Жунъи. — Ты так долго был без сознания.

Цзян Жунъи оперся рукой о край кровати, с трудом приподнялся и, почувствовав неладное, спросил:

— Где... где мы?

— Мы летим на Небесном Коршуне.

Тань Цзинфан начал рассказывать всё по порядку. За три дня, пока Цзян Жунъи был без чувств, произошло немало событий. Тань Цзинфан обнаружил, что в городе Шанъинь кто-то вступил в сговор с демонами, и после того, как он разобрался с этим, началось десятилетнее испытание духовных костей. По правилам секты Пэнлай и семьи Цзян, двух самых многообещающих кандидатов забирали на обучение. В этом году первое место заняла Цзян Юньси. Её духовные кости были редчайшим даром, к тому же она обладала телом Девяти Инь, прирожденным для самосовершенствования.

Цзян Юньси согласилась вступить в секту, но поставила условие: она возьмет с собой брата, Цзян Жунъи. По логике вещей, у него не было духовных костей, и путь в Пэнлай был для него закрыт, но Тань Цзинфан, поддавшись эгоистичным чувствам, после недолгих колебаний согласился.

Цзян Жунъи схватился за голову. Все шесть великих сект праведного пути были его врагами, а Пэнлай — и подавно. Жить там было всё равно что спать на лезвии ножа.

Тань Цзинфан, решив, что тот беспокоится о своем статусе, утешил его:

— В Пэнлае не у всех есть духовные кости.

Секта процветала тысячи лет, и многие совершенствующиеся заводили семьи, поэтому их потомство не всегда обладало талантом. Секта была разделена на две части: Облачные Небеса, где жили совершенствующиеся, и Мир Смертных, где жили их потомки, подобно обычным людям в городах. Тань Цзинфан нарушил правила, позволив Цзян Жунъи временно поселиться в Облачных Небесах под предлогом заботы о младшей сестре.

Цзян Жунъи почувствовал неловкость. Хотя он прожил на свете гораздо дольше Цзян Юньси, с тех пор как он очнулся, именно она заботилась о нём.

Секта Пэнлай располагалась на севере континента Цяньюань. В радиусе ста ли вокруг никто не жил, а защищали её древние формации, скрывающие истинный облик секты от глаз простых смертных. Только приблизившись на Небесном Коршуне, можно было увидеть гигантский пик, возвышающийся над бездонной пропастью. Из этой пропасти поднимались клубы черного тумана, словно нечто пыталось выбраться наружу, но стоило черной дымке подняться выше, как она тут же уничтожалась духовной энергией Пэнлая.

Вверху — Пэнлай, внизу — Логово Демонов. С момента основания секты день и ночь подавляла эту бездну, не давая демонам причинить вред миру.

Небесный Коршун плавно приземлился. Перед входом в секту нужно было пройти через Девять Небесных Ступеней — испытание, чтобы обнаружить демоническую энергию. Тех, в ком находили след демонов, не пускали в секту, а в худшем случае — карали на месте.

Цзян Юньси, поддерживая брата, подошла к лестнице. Она была спокойнее остальных, в то

время как другие юноши из семьи Цзян не могли сдержать восторженных криков:

— Вау! Я стану бессмертным!

Тань Цзинфан пояснил:

— Пройдете ступени — и окажетесь внутри секты.

Цзян Жунъи поднял голову. Девять Небесных Ступеней были высечены из нефрита и так ярко сияли, что у него заболели глаза.

— Брат, пойдем? — позвала Цзян Юньси.

Цзян Жунъи кивнул. Как только они ступили на лестницу, Цзян Юньси, державшая его под руку, исчезла. Вокруг сгустился густой туман.

Девять Небесных Ступеней позволяли впервые ступившему на них человеку отсечь свои привязанности и возвысить состояние духа. Цзян Жунъи стало любопытно. Он считал, что прожил жизнь честно, без каких-либо сильных привязанностей, и ему было интересно, что же покажет эта лестница.

Он сделал шаг вперед. Туман расступился, и впереди показался силуэт. Цзян Жунъи не мог разглядеть его отчетливо, но фигура показалась ему до боли знакомой. Зная, что это лишь иллюзия, он смело подошел ближе.

Увидев лицо, Цзян Жунъи был поражен. Юноша с ясными глазами — не кто иной, как Чжоу Сывэй в молодости.

Цзян Жунъи подумал: этот парень уже вознесся на небеса, а всё равно не оставляет его в покое, вот же напасть. Он покрутил юного Чжоу Сывэя, вспоминая былое, и без сожалений двинулся дальше.

В сюжете романа Цзян Уван был лишь ранним боссом-злодеем. Видимо, по законам жанра, раз основной сюжет затягивался на миллионы слов, главный злодей рано или поздно сходил со сцены, и Цзян Жунъи приходилось брать эту роль на себя. Сюжет был прост, как и всё в те времена: главный герой и злодей в юности подружились, не зная, кто они друг для друга. Два одаренных юноши стали лучшими друзьями. Цзян Жунъи, для которого это было последнее задание перед увольнением, поначалу ленился, но в итоге привязался к герою сильнее, чем планировал. И всё же он блестяще справился с ролью: злодей Цзян Уван погиб от рук героя, а Чжоу Сывэй, пройдя через это испытание, вознесся на небеса. Все счастливы.

После прохождения ступеней новых учеников ждало наставление от Владыки Пэнлая. Конечно, сам Владыка не стал бы тратить время на новичков, поэтому перед ними предстала лишь его проекция.

Цзян Юньси взглянула на величественного Владыку, а потом на брата, решив, что брат всё-таки красивее.

Цзян Жунъи не слушал болтовню проекции, лишь к концу слегка приободрился. Проекция Владыки, парящая в воздухе, холодно произнесла:

— Тот, кто вступит в мой Пэнлай, увидев этого человека, обязан убить его.

Цзян Жунъи прищурился. На портрете, появившемся в воздухе, был изображен человек в алых, как кровь, одеждах с накидкой из золотой парчи. Обычный человек не выдержал бы такого цвета, но этот выглядел безупречно. Его кожа была белее снега, а под глазом виднелся алый узор в форме облака.

Красота изображенного человека завораживала.

Вот же черт, на портрете был он сам! К счастью, Цзян Жунъи был скрыт небесной печатью, и никто не связал бы его с давно погибшим злодеем.

— Это владыка десяти тюрем, Цзян Уван. Сто лет назад он пал от руки главы секты Шанъинь. Но Владыка приказал нам помнить о нём, — пояснили ученикам.

Цзян Жунъи погладил подбородок. Первая мысль была: неужели Владыка Пэнлая был в него тайно влюблен, раз даже после смерти не может забыть? Вторая мысль: оказывается, с момента его смерти прошло уже сто лет.

Один из юношей семьи Цзян, не искушенный в делах мира, прошептал:

— Он... он такой красивый.

— Есть поговорка: в юности не встречай Цзян Увана, — Тань Цзинфан нахмурился и коснулся пальцем точки между бровей юноши. — Поэтому все ученики Пэнлая носят печать очищения сердца, чтобы не поддаться чарам демонов.

Юноша очнулся и, осознав, что только что сказал, покраснел до корней волос, не смея поднять глаз.

Тань Цзинфан призвал трёх журавлей. Эти птицы были гордыми и своенравными, и только когда Тань Цзинфан угостил их духовными камнями, они позволили ученикам сесть на спины.

— Может, я понесу тебя сам? — предложил Тань Цзинфан, глядя на Цзян Жунъи.

Цзян Жунъи посмотрел на журавля. Птица, обладающая зачатками разума, сама подошла к нему и послушно опустилась на землю. План Тань Цзинфана провалился.

— Будь осторожен, — лишь сказал он.

Журавли взмыли ввысь. С высоты открывался вид на цветущие лотосы. Цзян Юньси не могла оторвать глаз от красоты, но вдруг указала на северо-запад, где в лазурном небе клубилась густая черная туча.

— Будет дождь?

— В Пэнлае никогда не бывает дождя, — ответил Тань Цзинфан.

Цзян Юньси снова указала пальцем:

— А там?

Тань Цзинфан посмотрел в ту сторону и нахмурился:

— Кто-то проходит через небесную кару.

Тучи были слишком грозными для обычного совершенствующегося. Журавли, почувствовав неладное, приземлились на горный пик. Цзян Жунъи, дремавший в мягких перьях, проснулся. Он потер глаза и, увидев грозовые тучи, пробормотал:

— Почему... это кажется таким знакомым?

Обычно небесная кара проходит быстро, но эта туча словно стеснялась показаться.

— Слишком долго тянет! — возмутились ученики.

Вдруг кто-то закричал:

— Смотрите, под тучей человек!

Все уставились вверх. Под слоем грозовых туч, ступая по пустоте, медленно шел человек. Он был одет в старые, выцветшие синие одежды. Когда он приблизился, молния ударила в него, но человек даже не шелохнулся — молния бесследно исчезла, лишь осветив его лицо.

Одна из учениц закричала на весь Пэнлай:

— Это... Чжоу Сывэй!

Только первый человек в мире мог вызвать столь мощную кару. Он остановился на самом верхнем ярусе Облачных Небес, где жил Владыка Пэнлая.

— Прошу аудиенции у Владыки Пэнлая! — голос его разнесся по всей секте.

Цзян Жунъи услышал этот голос. Его глаза, обычно почти слепые, на мгновение прояснились, пронзая облака и устремляясь на того, кто стоял в вышине. Чжоу Сывэй выглядел как нищий: одежда истрепалась за сотню лет, на подоле пятна крови, тело покрыто шрамами. Но никто не посмел бы назвать его жалким — он стоял, как несокрушимая гора.

Зрение Цзян Жунъи снова померкло, из глаз потекли кровавые слёзы, но он продолжал смотреть в ту сторону.

— Чжоу Сывэй? — Цзян Жунъи был ошеломлен.

По сюжету книги он должен был давно вознестись. Почему он всё ещё здесь?

Цзян Жунъи прожил сотню жизней в роли злодея. В одной из них его предшественник допустил ошибку, из-за чего мир был на грани краха. Небеса рушились, реки текли вспять. К счастью, система отмотала время, и Цзян Жунъи успел исправить всё.

То, что Чжоу Сывэй до сих пор в мире совершенствования — уже нарушение сюжета. Что предпримет Небесный Путь?

Цзян Жунъи взглянул на тучи над головой Чжоу Сывэя. Молнии внутри были готовы обрести плоть, но Чжоу Сывэй силой подавлял свою мощь, не давая каре начаться. Небеса заставляли его вознестись, но почему он сопротивлялся?

Появление Чжоу Сывэя всколыхнуло всю секту.

— Встретить главу Чжоу — честь всей моей жизни!

— Зачем он пришел в Пэнлай?

Чжоу Сывэй был легендой. Рожденный в семье совершенствующихся, талантливый с детства,

он прошел через падение своего клана, потерю базы совершенствования и предательство невесты. Он поднялся из грязи, став величайшим мастером, победителем десяти тюрем. Но когда все ждали, что он уничтожит демонов, он просто исчез.

Официально — ушел в затвор из-за тяжелых ран. Лишь немногие знали правду, и Владыка Пэнлая был одним из них.

<http://bllate.org/book/22488/2371108>